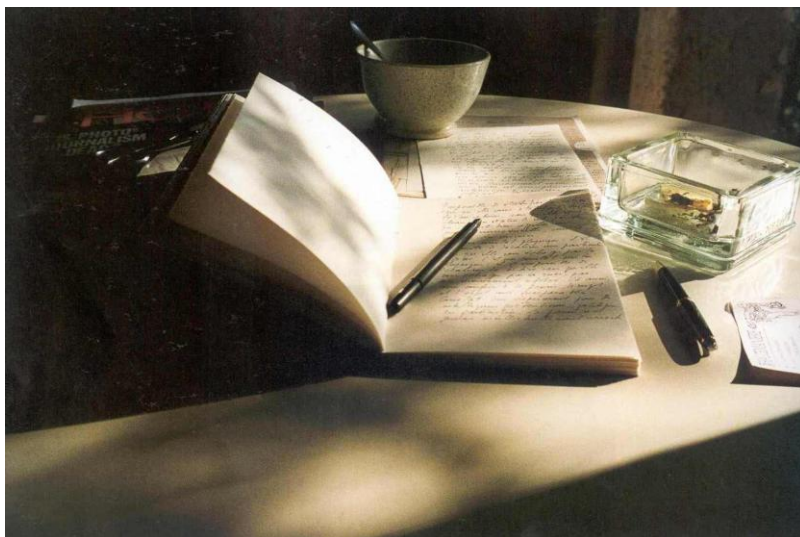

Удовольствие от письма

Джерри Култер

Bishop's University, 2600 College Street, Sherbrooke, Quebec J1M 1Z7, Canada

Photograph: Jean Baudrillard — *Treilles* (1996)

Критики, несчастливые от природы, всегда избирают идеи как поле битвы. Они не замечают, что, если дискурс всегда склонен производить значения, то язык и письмо как его части всегда создают иллюзию¹.

Независимо от того, кем был Жан Бодрийяр, он был великолепным писателем, многому научившим нас в отношении письма. Среди вещей, о которых он писал, была «всё более непостижимая редакционная система»², с которой он столкнулся как писа-

---

Более ранняя версия статьи была опубликована в *International Journal of Baudrillard Studies*. Vol. 4. № 3 (http://www.ubishops.ca/BaudrillardStudies/vol4_3-article5-coulter-jb.html).

Статья посвящается Келли Рейд.

© Gerry Coulter, 2009.

© А.В. Дьяков, перевод, 2009.

¹ Baudrillard J. *The Perfect Crime*. N.Y.: Verso, 1996. P. 103.

² Baudrillard J., Nouvel J. *The Singular Objects of Architecture*. Minneapolis (Minnesota): University of Minnesota Press, 2002. P. 60.

тель. Будучи редактором, я знаю, как трудно не спятить от бездны смыслов¹. Письмо, как и фотография, было для Бодрийяра своего рода абреакцией — розыгрышем — «вы вставляете свою жизнь... в письмо..., некоторые так и не сумеют сделать это, и в этом их неудача»². В этом, разумеется, одна из причин того, что реакции на Бодрийяра могут быть столь глубоко личными — он производил авторскую фигуру, вписывая дискурс в свою жизнь, а не скрывался за ней.

Когда Бодрийяр писал о повседневных событиях, он делал этот так, что ускользал и от традиционного академического, и от социологического дискурса. Его письмо даёт один из восхитительных примеров тесной связи теории и литературы, которая складывается в конце XX-го столетия (когда теория наконец стала воспринимать себя как выдумку). Как сказал об этом повороте Бодрийяр, «теория никогда не бывает так хороша, как тогда, когда принимает формы выдумки или басни»³. Письмо Бодрийяра часто преуспевало в качестве «поэтического разрешения»⁴. На ум приходят два примера из работ этого автора, который столь хорошо разобрался в метафизических вопросах и неясностях, что мы «разорвали свой метафизический контракт и заключили с вещами другой, более рискованный и коллективный»⁵. Первый:

Повседневные впечатления падают, словно снег. Нематериальные, прозрачные и микроскопические, они окутывают все черты ландшафта. Они поглощают звуки, мысли и события; порой неожиданный порыв ветра пронесется через них, и они испускают внутренний свет, пагубную флюоресценцию, омывающую все формы тусклой неясностью. Гляжу, как падает снег, опадают снегом идеи, гляжу, как в тиши встаёт некая *aurora borealis*, испытывая головокружение от укутанности и белизны⁶.

И эта трансокеанская мысль по возвращении из Америки:

На высоте десять тысяч метров, при скорости в тысячу километров в час подо мной проплывают льды Гренландии, в наушниках звучит *Indes Galantes*, на экране — Катрин Денев, какой-то старик — армянин или еврей — спит, опустив голову на мои колени. «Да, я чувствую всю силу любви», — поет чей-то божественный голос, перелетая из одного часового пояса в другой. В самолете люди спят, скорость не ведает силы любви. Между той ночью, из которой я вылетел, и той, в которую я приземлюсь, день продлится только четыре часа. Но божественный голос, голос бессонницы летит еще быстрее, он пересекает ледяную атмосферу над океаном, движется по длинным ресницам актрисы, по сиреневому горизонту, над которым встает солнце, попадает в теплый саркофаг реактивного самолета, и, наконец, гаснет на просторах Исландии⁷.

Когда Бодрийяр производит смысл, он нередко «играет с ним, играет смыслом против самой системы»⁸. Смысл для Бодрийяра был «двусмысленным и малозначащим

¹ Baudrillard J. In the Shadow of the Silent Majorities. N.Y.: Semiotext(e), 1983. P. 9–15.

² Baudrillard J. It Is The Object Which Thinks Us // Jean Baudrillard: Photographies, 1985–1998. Ostfildern-Ruit (Germany): Hatje-Cantz, 1999. P. 146–147.

³ Baudrillard J. Cool Memories V. L.: Polity Press, 2006. P. 11.

⁴ Baudrillard J. The Perfect Crime. P. 100.

⁵ Baudrillard J. Review of Uwe Johnson's book: «The Border» (1962) // Genosko G. The Uncollected Baudrillard. L.: SAGE, 2001. P. 36.

⁶ Baudrillard J. Cool Memories I (1980–1985). N.Y.: Verso, 1990. P. 59.

⁷ Бодрийяр Ж. Америка. Пер. Д. Калугина. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 92.

⁸ Baudrillard J. The Evil Demon of Images. Sydney: Power Institute, 1987. P. 40–41.

событием»¹. Почему, сталкиваясь с безразличной вселенной и с миром, данным нам как нечто непостижимое и загадочное, при письме надо пытаться всё разъяснить и упростить? По Бодрийяру, можно реагировать на безразличие вселенной с равным или бóльшим безразличием², можно описывать (теоретизировать) мир, делая его ещё более непостижимым, ещё более загадочным:

Здесь... лежит задача философской мысли: дойти до границ гипотез и процессов, даже если они окажутся катастрофическими. Единственное оправдание мысли и письма в том, что они ускоряют эти предельные процессы. Здесь, по ту сторону дискурса об истине, располагается поэтическая и энигматическая ценность мышления. Когда мы сталкиваемся с непостижимым и загадочным миром, наша задача ясна: мы должны сделать этот мир ещё более непостижимым, ещё более загадочным³.

Работая и перерабатывая таинственные парадоксы в лирическую запутанность письма, Бодрийяр осуществляет свою месть вселенной. Это месть таким понятиям, как «реальность», «истина» и «смысл», которую осуществляют Бодрийяр и иже с ним, утверждая, что теория предшествует миру, а письмо даёт ему существование. Жизнь Бодрийяра — это жизнь одного из знаков нашего времени. Его смерть — событие, изменившее наш мир, который никогда уже не будет прежним.

К неудовольствию многих, он сторонился идеологической или моральной критики, чувствуя, что эти формы письма «поглощены смыслом и содержанием» и «политической завершённой дискурса»⁴. По Бодрийяру, эти формы письма совершают насилие над «актом письма, поэтической, иронической, аллюзивной силой языка... манипулируя смыслом»⁵. Письмо было политикой Бодрийяра⁶.

Для Бодрийяра письмо было также производством иллюзии⁷, достигая которой, письмо становится настоящей формой искусства. Работа искусства, говорит он, должна помочь нам разглядеть витальную иллюзию, стоящую за всем, — о том, что реальность скрывается за явлениями. Если искусство годно лишь на то, чтобы заплутать в реальности (как письмо, снабжающее мир смыслом), оно перестаёт быть искусством и становится чем-то иным. Абсолютный крах искусства, по Бодрийяру, состоит в его отказе от иллюзии и поиске реальности⁸. Поступающее так искусство растрчивает себя и становится бросовым⁹.

По Бодрийяру, письмо есть также «бесчеловечная и непостижимая деятельность, от которой всегда следует держаться на расстоянии, не питая иллюзий, и оставлять её другим, чтобы верить в её действенность»¹⁰. Будучи пишущими, мы «заставляем вещи существовать... не производя их в материальном значении этого термина, но бросая им

---

¹ Baudrillard J. In the Shadow of the Silent Majorities. N.Y.: Semiotext(e), 1983. P. 11.

² Baudrillard J. An Interview with J. Williamson // Block. 1989. № 15. P. 18.

³ Baudrillard J. Impossible Exchange. N.Y.: Verso, 2001. P. 151.

⁴ Baudrillard J. The Perfect Crime. P. 103.

⁵ Ibid.

⁶ Baudrillard J. I Don't Belong To the Club, To the Seraglio. Interview with M. Gane and M. Arnaud // Baudrillard Live: Selected Interviews. Ed. M. Gane. L.: Routledge, 1993. P. 19–25; 199–209.

⁷ Baudrillard J. Forget Baudrillard. Interview with S. Lotringer // Baudrillard Live. P. 103.

⁸ Baudrillard J. Paroxysm: Interviews with Ph. Petit. N.Y.: Verso, 1998. P. 45.

⁹ Baudrillard J. The Lucidity pact or the Intelligence of Evil. L.: Berg, 2005. P. 105.

¹⁰ Baudrillard J. Cool Memories I. P. 68.

вызов, вступая с ними в противостояние»¹. Письмо было для Бодрийяра вызовом моральности и реальности, соблазняющим их и играющим с ними². Бодрийяр любил писать об исчезающих вещах; он говорил, что это «единственное достаточное основание, чтобы о чём-то писать»³. Письмо (теория), по Бодрийяру, должно следовать фатальной стратегии, чтобы дойти до крайних пределов, и это «стратегия счастливая... часто меланхолическая, но не депрессивная»⁴.

Он писал в основном фрагменты или короткие эссе. Как писатель, он был своей собственной идеальной аудиторией, отказывающейся становиться «добычей культуры, принуждающей автора писать, а интеллектуала — мыслить»⁵; «Я пишу для себя, — писал он, — я больше не претендую на привилегированное положение того, кто имеет право знать и писать» для других⁶. Он часто писал, чтобы бросить вызов понятиям:

Я пытался бросить вызов понятию как объекту, так, чтобы я больше не был субъектом знания, ушёл с позиции субъекта... но дискурсе — это то, что всегда перемещает вас на позицию субъекта... В дискурсе трудно производить смыслы и явления⁷.

Будучи человеком, любившим думать и писать о противоположных и в то же время не исключających друг друга гипотезах, он не видел оснований отказываться от радостей письма. Действительно, игра со сложными проблемами была для Бодрийяра одним из парадоксальных удовольствий от письма. В мире, где язык служит всего лишь средством для передачи смыслов (в их вечное эфемерности) есть место и игре. Мир, в том числе и мир автора, — это игра⁸.

Письмо было для Бодрийяра прециозной «сингулярностью», «сопротивляющейся реальному времени», «чем-то, что не вступает в компромиссы», «актом сопротивления», скорее «изобретением антагонистического мира», нежели «отстаиванием мира, который мог существовать прежде»⁹. Письмо, говорил он, есть «живая альтернатива худшему из того, что говорится»¹⁰. Для Бодрийяра, который был человеком застенчивым и несклонным к публичности, письмо было тем, что позволяло весьма радикально выразить свою мысль¹¹. В своей работе — и это урок всем нам как писателям — он легко жертвовал целой главой ради единственной сентенции¹².

Работать против системы, играть в контр-игру, разрушая созданное, освобождаясь от своих собственных идей и «испытывать удовольствие от расшатывания тех усто-

¹ Baudrillard J. The Power of Reversibility That Exists in the Fatal. Interview with D. Guillemot and D. Soutif // Baudrillard Live. P. 44.

² Baudrillard J. The Evil Demon of Images. P. 39.

³ Baudrillard J. Cool Memories II (1985–1990). Durham (N.C.): Duke University Press, 1996. P. 17.

⁴ Baudrillard J. This Beer Isn't A Beer. Interview with A. Laurent // Baudrillard Live. P. 180.

⁵ Ibid. P. 44 (примечание).

⁶ Baudrillard J. This Beer Isn't A Beer. Interview with A. Laurent // Baudrillard Live. P. 182.

⁷ Baudrillard J. The Ecstasy of Photography: Jean Baudrillard Interviewed by Nicholas Zurbrugg // Jean Baudrillard: Art and Artefact. Ed. N. Zurbrugg. L.: SAGE, 1997. P. 33.

⁸ Baudrillard J. The Power of Reversibility That Exists in the Fatal. Interview with D. Guillemot and D. Soutif // Baudrillard Live. P. 45.

⁹ Baudrillard J. Paroxysm: Interviews with Ph. Petit. P. 32.

¹⁰ Baudrillard J. Cool Memories V. P. 43.

¹¹ Baudrillard J. I Don't Belong To the Club, To the Seraglio. Interview with M. Gane and M. Arnaud // Baudrillard Live: Selected Interviews. P. 209.

¹² Baudrillard J. Cool Memories I. P. 29.

ев, за которые цепляются инертные читатели»¹, — всё это было частью той радости, которую Бодрийяр получал от письма. Писать о «ничто, залегающем под поверхностью, об иллюзии смысла, об ироническом измерении языка, коррелирующем с самими фактами»². Письмо было для него формой вызова — постоянной провокацией³. Лучшие шие философии и литературы заставляют нас думать о том, что это значит — думать и писать. Возьмите, к примеру, один из самых игривых (и тем не менее чрезвычайно серьёзных) моментов у Бодрийяра, когда он предпринимает гибельный, нереалистичный анализ смерти Дианы:

С одной стороны, если бы мы определяли всё, что должно случиться, для случайно-сти не осталось бы места, совершенно ясно, что её бы не было. Это значит, что не должно было бы быть ни моста Альма, ни битвы при Альме. Это значит, что не должно было бы быть никакого «Мерседеса», а значит, никакой немецкой автомобильной компании, у основателя которой была дочь по имени Мерседес. Ни Доди, ни «Ритца», ни богатства арабских шейхов и их исторического противостояния с британцами. Саму Британскую Империю, по-видимому, следовало бы вычеркнуть из истории. Таким образом, всё это комбинировается *a contrario* и *in absentia*, демонстрируя неотвратимость этой смерти. Таким образом, случайность сама по себе нереальна, поскольку складывается из всего того, что не должно было бы происходить, чтобы её не было. А в результате благодаря всем этим негативным вероятностям она производит непредсказуемый эффект. Таковы черты гибельного анализа, нереалистичного анализа...⁴

Письмо для Бодрийяра обладало силой соблазна⁵, своего рода фикцию теории, где вещи в конце концов просто рассыпаются на фрагменты, разделённые лишь игрой соответствий между ними⁶. За письмом Бодрийяра не стояло того, что мы называем формой надежды, он был оптимистом на свой собственный лад. Этот оптимизм происходил из глубокого понимания реверсивной и самоубийственной логики систем, от малых до великих⁷. Теория и письмо для Бодрийяра сошлись столь близко потому, что письмо для него ближе к мысли, чем к речи⁸.

Таким образом, Бодрийяр писал в мире иллюзии, в котором живём мы все, в котором истина, смысл и реальность существует лишь в локальных и ограниченных горизонтах, как парциальные объекты⁹. Он не радовался смерти политики или пролиферации симуляции и виртуальности, однако он показывал нам, как можно жить в этих сумрачных условиях, продолжая мыслить и писать:

У нас больше нет никаких стандартов истины или объективности, одна только вероятность... Пространство между истинным и ложным — больше не место отношений,

¹ Baudrillard J. Fragments: Cool Memories III. N.Y.: Verso, 1997. P. 68.

² Baudrillard J. The Perfect Crime. P. 98.

³ Baudrillard J. The Evil Demon of Images. P. 40.

⁴ Baudrillard J. Impossible Exchange. P. 136–137.

⁵ Baudrillard J. The Perfect Crime. P. 87.

⁶ Baudrillard J. I Don't Belong To the Club, To the Seraglio. Interview with M. Gane and M. Arnaud // Baudrillard Live: Selected Interviews. P. 202.

⁷ Baudrillard J. Paroxysm: Interviews with Ph. Petit. P. 24.

⁸ Joseph Joubert quoted by Alan Fletcher // The Art of Looking Sideways. L.: Phaidon, 2001. P. 472.

⁹ Baudrillard J. Forget Baudrillard. Interview with S. Lotringer // Baudrillard Live: Selected Interviews. P. 108.

но место случайного распределения... Принцип неопределённости принадлежит не одной лишь физике; он лежит в основе всех наших действий, в сердце «реальности»¹.

Каждый пишущий на исходе своих дней может оглянуться назад и разделить чувства Бодрийяра, который писал:

Писательство всегда доставляло мне удовольствие, это прибежище всегда было открыто для меня: никогда не оставлять язык, но вести его туда, где он ещё может звучать без необходимости что-то значить, не будучи пригвождён, но привнося иллюзию в игру².

Разделив это чувство, вы не сможете избежать меланхолии, но избежите депрессии. Это поэтическое мышление прекрасно работало у Жана Бодрийяра, когда он играл в столь серьёзные игры с безразличной, загадочной и непостижимой вселенной. Бодрийяр, как и его письмо, был парциальным объектом, счастливо существующим в локальном и ограниченном горизонте. Никаким иным способом он не мог бы этого достичь. Я искренне надеюсь, что воспоминания, навеянные этой статьёй, побудят вас к вопросу: На что была бы похожа моя жизнь, если бы я не читал Жана Бодрийяра?

Перевод с английского А.В. Дьякова

---

¹ Baudrillard J., Nouvel J. The Singular Objects of Architecture. P. 85–86.

² Baudrillard J. This Beer Isn't A Beer. P. 179.